

УДК 94:325.3+303.446.4(73)

**ОБРАЗЫ ВИРГИНИИ В ТВОРЧЕСТВЕ
ХРОНИСТОВ И ИСТОРИКОВ XVIII СТОЛЕТИЯ:
ОТ РОБЕРТА БЕВЕРЛИ ДО ТОМАСА ДЖЕФФЕРСОНА**

Востриков П.В.

В статье приводится краткий обзор основных вех в формировании историографической традиции истории штата Виргиния во второй половине колониального периода, в так называемый «золотой век» виргинской аристократии. При анализе приведенных источников прослеживаются как определенные общие черты социально-экономического развития колонии в восприятии разных авторов, так и личные особенности их взглядов. «Заметки о штате Виргиния» Т. Джефферсона завершают усилия нескольких поколений виргинцев в осмыслении истории и современного им положения своего края и являются выдающимся естественнонаучным и историческим трудом.

Ключевые слова: колониальная Виргиния, историография, стиль изложения, экономическое и социальное развитие, общественные институты.

**IMAGES OF VIRGINIA IN THE PERCEPTION
OF ITS CHRONICLERS AND HISTORIANS OF THE 18TH CENTURY:
FROM ROBERT BEVERLEY TO THOMAS JEFFERSON**

Vostrikov P.V.

In this article the author provides a glimpse of main stages in historiographical tradition in the history of the state of Virginia in the second half of the colonial period, during the so-called “Golden age” of Virginian aristocracy. The investigation of the extant sources allowed the author to trace back the general features of social and economic development of the colony in different writers’ perception and single out their own particular points of view. “Notes on the State of Virginia” by Thomas Jefferson is by all means a fulfilment of his predecessors’ efforts in their analysis of the history and contemporary state of affairs of the country. “Notes...” is also an outstanding scientific and historical work.

Keywords: colonial Virginia, historiography, writing style, economic and social development, social institutions.

Освоение Виргинии, первой английской колонии в Северной Америке, было тяжелым предприятием, полным лишений и опасностей. Стабилизация общественных отношений, несмотря на успехи «табачной» экономики, заняла многие десятилетия. Исследователь колониальной истории США Т. Брин писал, что в отличие от Массачусетса, Виргиния не имела четко выраженного институционального начала в своей истории, которое в восприятии разных историков начиналось с какой-нибудь значимой отправной точки. Это начало могло быть положено как ранее, так и позднее 1607 года. С бурной деятельности Сэра Уолтера Райли по установлению присутствия Англии на континенте, с основания Дома бургесов, с появлением первых невольников, с индейской атаки 1622 года или с бунта Бэкона 1676 года. Эти знаменательные моменты и связанные с ними этапы в колониальном развитии Виргинии, утверждал Брин, не представляли континуума, но напоминали, скорее, разорванные куски гремучей змеи, франклиновского символа колониального сопротивления [6, p. 164-165].

Таким образом, при таком взгляде на события, история колонии начиналась каждый раз заново. Виргиния колониального периода имеет несколько примечательных парадигм развития, ее исторический путь еще в XVII столетии претерпел несколько трансформаций. К 1680-м годам произошла консолидация плантаторского класса, составившего правящую элиту, институт рабства был законодательно закреплен, и состоялась коренная трансформация в составе основной рабочей силы – от белых кабальных слуг к черным рабам африканского происхождения. После перенесения столицы колонии из Джеймстауна в Уильмсбург Виргиния вступила в период стабильности, свой «золотой век», с характерными формами политического устройства, экономики и быта. С правлением джентри, преобладанием Англиканской Церкви в духовной сфере, плантационной экономикой, основанной на эксплуатации

труда черных невольников и недостаточным уровнем развития городов, что делало плантации культурными центрами колонии. Колония приобрела относительную стабильность после многих заговоров, бунтов, жестоких эпизодов противостояния с коренным населением. В лучшую сторону изменилась и демографическая ситуация. Прирост населения составлял 20 процентов каждое десятилетие. И если в 1720 году в колонии проживало 90 тысяч человек, то в 1750 году уже 230 тысяч. Рост населения сопровождался экспансией на Запад [14, p. 12].

Стабилизации колонии способствовал также рост цен на табак после 1682 года. Это не было похоже на бум 1620-х годов, но положение низших классов заметно улучшилось, не было уже той бедности, что способствовала социальной напряженности 1670-х. Спрос на сельскохозяйственную продукцию увеличился, а нечастые неурожаи только предотвращали чрезмерное насыщение рынка [5, p. 141]. В колонию также прибыли многие французские протестанты, гугеноты. Они увеличили процент белого населения, среди них было много квалифицированных ремесленников и торговцев, имевших трансатлантические контракты [18]. Местный плантатор Роберт Беверли назвал Виргинию «лучшей страной в мире для бедного человека» [4, p. 223].

Именно его стараниями в 1705 году вышел труд «История и современное состояние Виргинии», изданный в Лондоне. То, что было создано до Беверли – отчеты о путешествиях, рекламная литература, рассказы о личных приключениях, обсуждение различных проблем колонии, было образцами творчества англичан или колонистов, рожденных в Англии. Работа Беверли включает все перечисленные особенности ранней колониальной литературы, но, кроме того, это повествование истинного виргинца о политических событиях на протяжении столетия, начиная с 1607 года.

Интеллектуальная атмосфера тиши плантаторской усадьбы, складывающаяся в Виргинии в первое десятилетие XVII века, способствовала появлению этого произведения, которое являлось неким подобием истории национального государства, где место королей занимали губернаторы.

Описание Беверли противостояния местных учреждений и английской колониальной администрации свидетельствовало об интересе местной элиты к жизни своей провинции, в которой заведенные порядки воспринимались уже не только как английские, а скорее, как виргинские. Запечатлев прошлое и современность Виргинии, Беверли придал колониальным институтам признаки постоянства и легитимности, уникальности, таким образом, Виргиния в его писаниях предстает как особая страна, имеющая свою историю и традиции [20, р. 294].

Беверли был плантатором, представителем политической элиты, в его воззрении на недавнее прошлое Виргинии сказались личные политические пристрастия, вызванные, в том числе и позицией его отца, также клерка Дома бургесов, во время бунта Бэкона принявшего сторону губернатора Уильяма Беркли.

Идея написать труд о Виргинии возникла у Беверли во время его визита в Лондон, когда знакомый местный книготорговец Ричард Паркер попросил его прочитать и подкорректировать манускрипт Джона Олдмиксона «Британская империя в Америке». Беверли обнаружил много неточностей и решил изложить свое собственное видение. Его произведение стало в итоге одной из главных работ колониальной историографии и первым описанием колонии подобного рода, данной представителем поколения, для которых Виргиния была родиной [3, р. 86]. Автор демонстрирует восхищение и гордость своей страной, не только ее экономическими и культурными достижениями, но и ее флорой и фауной, здесь виден значительный интерес к жизни и традициям исчезающих индейских племен. Беверли проявляет недовольство губернаторами, назначенных королем и критикует своих компатриотов за лень.

Работа Беверли состоит из четырех книг. В первой книге прослеживается история колонии с момента основания до времени жизни автора. То, что было до 1625 года во многом основано на «Общей истории...» Джона Смита и записках Сэмюэля Пурчаса, и в своем изложении Беверли был достаточно краток. Но его повествование о раннем периоде развития Виргинии

способствовало популяризации многих легендарных событий, например, историй о потерянной колонии Роанок, чудесном избавлении Дж. Смита от неминуемой смерти через вмешательство Покахонтас, первом появлении и порабощении африканских рабов в 1619 году, бегстве кавалеров-роялистов от диктатуры Кромвеля, тяжелых последствиях политики меркантилизма и введения навигационных актов [16, р. 33].

Вторая книга содержит рассуждения «о природных богатствах и преимуществах Виргинии и о диком ее состоянии до появления англичан». Главы этой части посвящены описаниям природных богатств и ландшафтов: здесь почвы, реки, озера, заливы, дикие фрукты, овощи, дичь и рыба Виргинии; источником для их написания служили наблюдения автора, но иногда он ссылается на Томаса Хэриота и Джона Смита. Беверли, кажется, исполнен почти поэтического вдохновения, что не мешает признать ему свою недостаточную компетентность: «Но я не такой опытный натуралист, чтобы описать их [минеральные источники] с той точностью, которую они заслуживают [4, р.101]. Признание в некомпетентности не препятствует Беверли восторгаться своим краем: «Эта земля находится в очень счастливом положении между пределами жары и холода, климат очень благоприятный, так как Виргиния находится на той же широте, что и земля обетованная... Как Иудея полна рек, так и Виргиния. Имеется в Иудее плодородие почв? Так и в Виргинии, которая равна всем известным в мире землям» [14, р. 13].

Обзор природного потенциала колонии сменяет третья книга, посвященная коренному населению Виргинии. Здесь Беверли использует Смита и Хэриота, неопубликованные труды натуралиста Джона Банистера также иллюстрации Уайта и Де Бри, которым на момент написания книги было уже больше столетия. Уайт в своих акварелях, а Де Бри в гравюрах описали индейцев, живущих несколько южнее, на территории современной Северной Каролины. Беверли, однако же, доказывает, что стиль жизни индейцев с тех времен мало чем изменился, и виргинские индейцы принадлежали к той же алгонкинской племенной группе. Наиболее ценные сведения об индейцах взяты

все же не из работ предшественников, а основаны на личных наблюдениях. На рубеже веков Беверли еще имел возможность жизнь остатков индейских племен, живших неподалеку от его поместья. Беверли особенно интересовали их верования, и он посвящает этому целую главу. Однажды с помощью большого количества сидра он уговорил одного индейца рассказать о религиозных учениях коренного населения [4, р. 155-156]. Так же он пишет об их внешности, одежде, семейных традициях, поселениях, хозяйстве, воспитании детей, методах приготовления пищи, военной дисциплине и искусстве войны, спорте и развлечениях, медицине и музыкальных инструментах. К 1705 году, однако, индейцы были уже исчезающим народом в восточной Виргинии. Будущее этой земли было за заокеанскими завоевателями, оккупацию ими индейских земель Беверли описывает беспристрастно, нет у него упоминания жестокостей или сожаления о разрушениях, так же не видит он никакого эпического проявления воинской славы в облике завоевателей [14, р. 12]. Из-за прибытия европейцев «индейцы утратили свою природную простоту; англичане захватили большую часть их страны и познакомили с разными пороками: роскошью и пьянством...что умножило их желания, заставило их хотеть тысячи вещей, о которых они и не мечтали раньше» [4, р.185].

Четвертая книга состоит из двух частей и повествует о правительстве Виргинии, губернаторе, колониальном совете, Доме бургесов, административном делении, общественных должностях, финансах, церковных делах, положении колледжа, военной службе и местной милиции (ополчении), а также методах ведения хозяйства, слугах, рабах, характере виргинцев и популярных развлечениях. О рабах и слугах он пишет с некоторым беспокойством, имея, очевидно, свой личный в этом интерес. Он отрицает плохое обращение и усиленную эксплуатацию черных рабов, хорошо отзываясь о надсмотрщиках и пытается доказать законность рабства и подчиненного положения сервентов: «Так как я был лично наслышан о том, какому жестокому обращению подвергаются кабальные слуги в некоторых

частях Англии, я не могу утверждать, что работа их слуг и рабов (виргинских) отличается от того, что обычный делает работник (фримэн) в течение дня. А рабы и слуги не имеют требования работать более, чем их надсмотрщики... этих слуг не заставляют работать так много, как фермеры и работники в Англии» [4, р. 219]. Беверли стремится показать Виргинию в выгодном свете, ставя целью привлечение новых колонистов. Всячески славя Виргинию, в завершении он раскритиковал ее жителей, обвиняя их в лени и неспособности использовать полный потенциал возможностей, представляемых щедрой виргинской природой [4, р. 263-264].

Беверли был энтузиастом независимости экономики Виргинии. Подтверждая свои идеи практическим личным примером, он занимался виноделием на своей плантации и собственноручно изготовлял мебель из местных пород дерева. В 1716 году он снабжал вином экспедицию губернатора Спотсвуда и сам принял в ней участие. Джон Фонтен, хроникер экспедиции, писал о Беверли, что этот богатый человек жил достаточно просто [11, р. 116-119]. В этом Беверли был полной противоположностью Уильяму Бёрду II, который стремился получить английские товары и предметы роскоши на каждом прибывавшем в Виргинию корабле. Но оба они любили природу и проявляли к ней исследовательский интерес, хотя их и нельзя назвать учеными в современном понимании [7, р. 90-91].

Через два года после появления «Истории» Беверли в 1742 году выходит совершенно непохожее на работу Беверли описание колонии под названием «Современное состояние Виргинии с кратким обзором Мерилэнда и Северной Каролины». Автором был приходской священник, профессор математики и натурфилософии Хью Джонс. Он родился в Англии в 1692 году, получил степень магистра Оксфордского университета в 1716 [17, р. 474-476]. В последний год своего обучения в Оксфорде он выразил желание отправиться в Виргинию в качестве священника. Случилось так, что и епископ Лондона рекомендовал его кандидатуру на вакантную должность преподавателя математики и натурфилософии в Колледже Уильяма и Мери. Так что Джонс

прибыл в Уильямсбург весной 1717 года, а на следующий год он не только исполнял преподавательские обязанности, но и являлся капелланом Дома бургесов и помощником настоятеля Брутонской церкви.

Описание Виргинии данное священником и математиком довольно отличается от той манеры, которая была присуща Беверли – плантатору и натуралисту-любителю. Беверли был коренным виргинцем, хорошо начитанным, получившим в значительной мере самообразование, человеком. Джонс, отметим, родился и получил образование в Англии, был активным сторонником англиканства, но он не был для колонии чужестранцем и сумел понять дух Виргинии. К тому же он сумел завести дружбу с Александром Спотсвудом. Его образование и раннее окружение придали определенную беспристрастность его описанию, особенно церковной жизни и состоянию колледжа. Джонс был более точен в рассказе о современности, история как таковая в его изложении практически отсутствует. Работа Джонса не так объемна, как труд Беверли, книга состоит из четырех частей, содержание которых часто представляет собой набор самых разных сведений, часто не имеющих близкого между собой отношения [7, p. 94].

В первой части Джонс размышляет о происхождении разных рас, населяющих Виргинию, и дает краткое описание индейцев. Далее он касается экспедиции Александра Спотсвуда вглубь Виргинии, к ее горным массивам. Еще он повествует об индейской школе в форте Кристианна, которую сам посещал.

Вторая часть в своем начале содержит краткий обзор истории английского заселения Виргинии, возможно, Джонс просто воспользовался книгой Беверли и привел краткое изложение его версии. Далее, однако, Джонс дает весьма ценное описание современного ему Уильямсбурга, наблюдателем повседневной жизни которого ему довелось быть. Здесь мы видим и описание улиц, всех важнейших зданий и организацию колледжа, и атмосферу процветающего города. В следующей главе Джонс неожиданно переходит на рассуждения на происхождении, характере и языках негров, а также пород

древесины, пригодных для строительства. Также в этой главе Джонс касается зерновых культур и табака как основ земледелия в провинции. В пятой главе второй части Джонс пишет о самых разных вещах: рассуждает о гостеприимности и щедрости виргинцев, упоминая отрицательное влияние жаркого климата на них, что делало их ленивыми; описывает металлургическое производство Спотсвуда и поселение рабочих немецкого происхождения Германна.

Третья часть посвящена во многом церковной организации, описанию функций комиссара, приходского совета и священников. В четвертой части он приводит имена авторов, писавших о Виргинии, различные должности чиновников по рангу и сравнивает Виргинию с Мэрилендом и Северной Каролиной и склоняется к идеализации ее: «Если Новая Англия стала обителью для раскольников-пуритан и Амстердамом религии, Пенсильвания – пристанищем квакеров, Мэриленд – домом католиков, Северная Каролина – убежищем для беглых преступников, а Южная Каролина превратилась в вертеп разбойников и пиратов, Виргиния с полным основанием может считаться благодатным местом для истинных британцев и подлинных любителей благочестия (англикан), ибо Виргиния не взлетает слишком высоко и не падает низко, следовательно, достойна большого уважения и поощрения» [15, р. 48].

Кроме основных глав «Современное состояние Виргинии» включает четыре приложения, в первых двух из которых автор предлагает варианты реформирования колледжа и индейской школы при нем; реформу и расширение церковной структуры, назначение епископа в Виргинию, рекомендации, с которыми он обращается к архиепископу Кентерберийскому, в том время бывшему канцлером колледжа. Два последних приложения адресованы торговой и ремесленной палате. В них Джонс, говоря о потенциале развития ремесел, производства и совершенствовании торговли предлагает весьма старый рецепт, совпадавший с мнениями многих чиновников и градоначальников в Англии, желавших избавиться от лишнего люда. Эти идеи

были уже не новы – собрать бродяг, нищих и правонарушителей в городах и деревнях Англии, обучить их какой-либо профессии и отправить и в Виргинию.

Джонс являлся сторонником развития горного дела, производства бумаги и солода. В последнем приложении он увещевает британское правительство и народ оказать поддержку Виргинии, чтобы эти идеи осуществились. В завершении он высказывает пожелание о том, чтобы южные колонии имели свой военный флот – для борьбы с пиратством. Пожелания и рекомендации Джонса были вполне резонны, но они, так же, как и многие другие подобные инициативы были проигнорированы Палатой торговли и ремесел, так что Юг сохранил свой аграрный уклад [15, р. 138-150]. Стиль Джонса прост и безыскусен, и он не видит, а может быть, и не стремится видеть связи прошлого с современностью. Он весьма озабочен, однако, своей эпохой и ее связью с будущим, желая процветания своим ближним и не проявляя при этом личных пристрастий. Если у Беверли Виргиния изображена в виде невозделанного сада, то у Джонса мы находим уже описание ее как колонии. Он подчеркивает всячески связь с метрополией, упоминает, что реки многочисленны, обширны и удобны для навигации, удобны для доставки товаров из Англии и транспортировки табака в обратном направлении. Легкий доступ к морской торговле определял инфраструктуру колонии, поселений, хозяйств, дорог, а также готовность местной табачной элиты максимально использовать особенности ландшафта, приспособиться к характерной экономической модели. Джонс находил непривычным для себя почти полное отсутствие городов в Виргинии, но в церквях, судах, правительственных зданиях, особняках плантаторов он обнаруживал явные признаки цивилизации и прогресса, то есть это как раз то, что не замечал Беверли [14, р. 17].

Для историков колониального периода США описания Беверли и Джонса являются важным документом эпохи, ценным источником сведений о положении социально-политических структур Виргинии в первые десятилетия XVIII века.

Следующая публикация, посвященная Виргинии, – это «Современное состояние Виргинии и колледжа», совместный труд Генри Хартвелла, Эдварда Чилтона и Джеймса Блэра [12]. Первые двое были некоторое время ведущими юристами в колонии до их возвращения в Англию в 1694 и 1695 годах, а Блэр был поверенным лондонского епископа в Виргинии. Все трое родились в Британии, но проживали в Америке [16, р. 30-32]. Следует отметить, что, хотя исследование было завершено в 1697 году, оно не было опубликовано до 1727 года. Замысел его был прост – серия ответов на вопросы заинтересованных людей. Недавно созданной Палате торговли и ремесел потребовался отчет о состоянии производства и торговли в Виргинии с целью выяснения важного вопроса, какое дело возможно развивать там без ущерба для метрополии, а какие производства следует приостановить. Трем вышеупомянутым лицам было предложено составить отчет об экономическом положении в Виргинии.

Рукопись была представлена Уильяму Попплу, секретарю Палаты. Но только в первой части исследования авторы напрямую обращаются к поставленной задаче, вторая и третья части выражают в большей степени точку зрения правящей юридической и церковной колониальной элиты. Авторы все были роялистами. Блэр, который в спорах с губернатором принимал сторону церкви, очевидно, был роялистом больше по необходимости, чем по убеждениям. Что касается экономики, то авторы не учитывали точку зрения класса йоменов, которые заметно пострадали из-за навигационных актов. Как и многие колониальные администраторы перед ними, они выражали сожаление по поводу чрезмерной доли табака в состоянии сельского хозяйства и пропагандировали идеи диверсификации, которая принесла бы пользу как Британии, так и самим виргинцам. Авторы проигнорировали необходимость развития свободных ремесленников. Они обвиняли эгоистичных губернаторов и упрямых селян, не желающих строить города и жить в них, жаловались на неадекватную финансовую систему Виргинии. При этом авторы не пытались выяснить причины такого положения дел, а ведь оно было естественным для

обстоятельств места и времени – аграрного уклада жизни в недавно возникшей табачной стране.

Среди церковных дел характерными проблемами как для Виргинии, так и для Мэриленда были нестабильность жалования, выдаваемого всегда в виде табака, споры с приходскими советами по поводу назначения священства, несоблюдение устава в проведении служб. Для Блэра неприятным фактом была подчиненность Церкви губернатору. Авторы-юристы критиковали неустойчивость виргинской юридической системы, в особенности путанице в судах и находили систему апелляций особенно неудовлетворительной, ведь де-факто губернатор и Совет представляли высший орган власти в колонии. Также они не были довольны уровнем компетентности мировых судей и секретаря колонии, который исполнял соответствующие обязанности нескольких судебных инстанций в Англии, что вызывало путаницу и делало работу секретаря малоэффективной. Часть этого труда посвящена описанию природных богатств, населению, системе землевладения, губернатору, Совету, законам, положению церкви, колледжу и местной милиции. Блэр настаивал на необходимости образования и поддержки колледжа.

В качестве выводов авторы настаивали на необходимости установления твердого порядка в юридических и церковных вопросах. В целом это ясное изложение положения дел в колонии в соответствующее десятилетие, поэтому «Современное состояние Виргинии и колледжа» – это важный исторический документ для исследователя раннего Юга [7, р. 80-85].

Уильям Стит являлся уже историком в более привычном для нас представлении, чем Беверли и Джонс. Он был вигом по своим политическим воззрениям, священником англиканской церкви, и в разное время исполнял обязанности настоятеля прихода Хенрико, капеллана Дома бургесов, преподавателя и ректора Колледжа Уильяма и Мери. Стит был родственником Рэндольфов и Джефферсонов, ведущих семейств колонии [9, р. 44-45]. После смерти своего дяди Джона Рэндольфа в 1737 году, который оказал на него заметное влияние, Стит решил предпринять написание местной истории со

времени основания колонии Роанок до современности. Политические взгляды Стита были антироялистскими, он видел историю как борьбу добра со злом, только он, будучи священником, не делал Бога участником истории, а добро у него олицетворяли политически близкие ему люди, зло – их противники. Не провидение становилось у Стита главным, а человеческая жадность или человеческое благородство определяли природу колониального общества. В этом Стит, как другие историки и летописцы колониальной Виргинии, отличался от новоанглийских авторов Коттона Мазера и Джона Уинтропа. Социальные, культурные, экономические факторы не являются у него причинами или следствиями. Свобода воспринималась им как естественное состояние человека. Действовать против природы было тягчайшим политическим преступлением. В подобном стиле он и рассматривал отношение Якова I к Виргинской компании [7, p.94-95].

В 1747 году Уильям Паркс, печатник Уильямсбурга, опубликовал первый том «Истории открытия и первого поселения Виргинии: очерк общей истории колонии», в которой конечной датой был 1624 год, год роспуска Виргинской компании. Для Стита целевой аудиторией были скорее виргинцы, нежели англичане в метрополии [21]. Хотя содержание работы сделало некоторых виргинцев врагами Стита, многие одобрили его предприятие, особенно некоторые ученые мужи в Оксфорде. Стит немного был разочарован таким холодным приемом его книги в Виргинии и на некоторое время прервал свой труд. Но в 1752 году он был избран ректором Колледжа Уильяма и Мери, перебрался в Уильямсбург, получил одобрение студентов и коллег, а также был политически активен в правление губернатора Роберта Динвидди, являясь его противником в деле пистольного сбора. Здесь он получил доступ к необходимым материалам, некоторую моральную поддержку и начал работу над вторым томом, но безвременно, как и его дядя, ушел из жизни в 1755 году [10, p. 255-256].

Рукописи, сделанные им в эти годы, не сохранились. Стит в основание своего труда положил исторические документы, анализировал десятки книг и

смог дать подробное описание достаточно небольшого периода. В этом Стит опережал свое время и работал уже в стиле историка XIX или XX веков. А если он имел несколько источников по тому или иному предмету, он предлагал свои собственные выводы, если же источник был только один, то Стит мог вставить «этого не может быть» или предполагал, что автор документа заблуждался, не понимая подлинную природу явлений. Определенной проблемой для Стита и для последующих историков описываемого времени была некоторая диспропорция в источниках, относящихся к тому или иному десятилетию. Наличие или недостаток источников прямо повлияли на количество информации по конкретному отрезку времени. Например, около трети всего произведения посвящено двух годам деятельности Смита в колонии, а половина книги – последним пяти годам, то есть периоду между 1619 и 1624 годам. Период с 1610 по 1619 годы занимал в книге совсем небольшой объем. Стиль Стита был прост и безыскусен, но в нем было то особое красноречие, характерное для виргинских законодательных собраний, то есть его манера типична для устной речи.

Положительными персонажами у Стита выступают Эдвин Сэндис, Уолтер Райли и Джон Феррар. Яков I, Томас Смайт представлены негодьями. Джон Смит, центральная фигура первых лет жизни колонии, изображен как положительный персонаж в определенных ситуациях, в других случаях Стит подвергает его критике. Но Стит не идеализировал представителей компании и понимал, что во многом Смит был прав в своей борьбе с непониманием его видения будущего Виргинии. И при всей жесткой критике Якова I, Стит признавал, что деятели Виргинской компании сами не были приверженцами персональных свобод. В заключение работы Стита мы обнаруживаем явное противоречие между двумя полюсами политической лояльности, что может говорить о серьезном противоречии в его формально виговских политических предпочтениях, очевидно, это противоречие между популярными идеалами в то время, влиянием близкого окружения и искренним ощущением жизни: «Компания была одним из самых благородных и просвещенных общественных

начинаний в данном направлении», но далее он комментирует: «в Америке мы опытным путем познали, что лучше быть под королевской властью, чем в руках собственников, какой бы вид они не принимали».

Хотя Стит не успел завершить задуманное, и его произведение охватывает только начальный этап развития колонии, по многим признакам его можно рассматривать как возникающий в то время на исторической сцене тип виргинца-революционера. Он же озвучил протест против обложения налогами без представительства в правительственных органах без согласия самих колонистов[7, p. 100-101].

Традиции исторического и географического описания Виргинии в середине колониального периода имели продолжателя в лице Т. Джефферсона с его «Заметками о штате Виргиния» 1780-х годов, которые были написаны по вполне случайному поводу, когда в 1780 году секретарь дипломатической миссии Франции в США маркиз Франсуа Барбе-Марбуа разослал губернаторам разных штатов письма с просьбами описать свои провинции, дав ответы на его вопросы о климате, природе, географии, экономике и других аспектах жизнедеятельности. Он старался для французов, своих соотечественников, надеясь, что полученная таким путем информация удовлетворит их любопытство по поводу недавно возникшего государства. Во Франции в то время был большой интерес к Америке, но истинной информации было немного, а преобладали идиллические представления [13, p. 124-125]. Большинство губернаторов совсем не отреагировали на этот запрос, за исключением Делавэра, Нью-Джерси и Нью-Гемпшира, которые смогли дать только очень краткие ответы.

В то время, когда запрос был отправлен, Джефферсон был губернатором Виргинии. Он обещал прислать ответ, но только после того, как закончатся военные действия. И действительно, после того, как англичане капитулировали при Йорктауне, Джефферсон приступил к работе. К этому времени он вышел в отставку с поста губернатора и имел больше свободного времени. Джефферсон постоянно на протяжении многих лет записывал собственные наблюдения за

различными аспектами жизни в Виргинии, но эти бумаги пребывали у него в беспорядке, теперь же был повод собрать этот материал воедино [2, с. 8-9].

Большой объем «Записок» составила естественная история не только Виргинии, но и всей Америки. Здесь Джефферсон вступал в полемику с видным французским натуралистом своего времени – графом де Бюффоном, опровергая многие заблуждения того времени (европейские ученые не имели возможности изучать растительный и животных мир Америки, все их выводы строились на предположениях). Одно из заблуждений заключалось, например, в том, что североамериканские виды животных претерпели некоторую дегенерацию и были значительно мельче размерами и хуже приспособлены к выживанию в окружающей среде, чем их европейские аналоги и количество американских видов было невелико («найденные кости мамонта такие же крупные, как и те, которые были обнаружены в Старом Свете») [1, с. 132-147]. Джефферсон приглашал своих французских читателей совершить поездку к одному из природных чудес Америки – гигантскому Естественному мосту в Виргинии и предоставил массу статистических данных и подробные описания климата, рек, гор, растений, животных, законов, городов и населения (всего 23 главы, посвященных подобным отдельным вопросам) [19, р. 63]. Джефферсон обратился за помощью к своему другу Томасу Уокеру и некоторым другим естествоиспытателям с просьбой предоставить ему данные о предельном весе американских животных «от мыши до мамонта».

Также он обращался ко многим другим людям с целью собрать сведения об умственной и физической природе коренного населения Америки [2, с.9]. Джефферсон доказывал, что индейцы не имеют особых физиологических отличий от европейцев, но имеют свои психологические особенности. Например: «Поскольку принципы их общества запрещают им всякое принуждение, привлекать их к труду и к выполнению других обязанностей можно лишь путем личного влияния и убеждения. Поэтому красноречие на совете, храбрость и ловкость в бою становятся у них основой для всего важного и существенного. У нас есть многочисленные доказательства их храбрости,

поскольку мы сами на себе это испытали, Примеров их совершенства в ораторском искусстве у нас меньше, потому что они проявляют его главным образом на своих советах. Я сомневаюсь, что в речах Демосфена и Цицерона или любого другого более прославленного оратора, если Европа такого дала, есть хотя бы один пассаж, превосходящий речь Логана, вождя минго, обращенного к лорду Данмору в бытность его губернатором этой колонии» [1, с.151].

Джефферсон также предстает умелым полемистом по вопросам политической истории. Он критиковал принятую в 1776 году конституцию Виргинии, предлагая внести систему сдержек и противовесов, чтобы не допустить диктата законодательной ассамблеи, которая необоснованно подвергала его нападкам за некоторые неудачи во время войны: «Тот, кто вступил в эту борьбу из чистой любви к свободе...то должен быть поражен и охвачен негодованием, когда ему сообщат, что значительная часть этих многих избранных им людей замышляла передать всю власть в одни руки и передать его самого из подданства ограниченного в своих правах монарха монарху деспотическому... Ради Бога, скажите, откуда у них такие полномочия!» [1, с. 195-202]. Этот конфликт вынудил Джефферсона уйти в отставку с поста губернатора. Проект новой конституции был опубликован в приложении к «Заметкам». Окончательное обсуждение и принятие ее он предлагал поручить избранному для этой цели конвенту. В дальнейшем многие положения легли в основу федеральной конституции, в этом проявилось влияние Джефферсона на Мэдисона, ведь они были друзьями и имели обширную переписку. Джефферсон предлагал предоставить избирательное право всему населению страны, независимо от имущественного ценза и чтобы все графства штата были представлены в законодательном собрании пропорционально численности населения. Таким образом, он предлагал бороться с олигархическими тенденциями, когда жители прибрежных территорий преобладали над населением внутренних районов.

Джефферсон предлагал реформировать систему образования, исходя из возрастных особенностей детей и потребностей общества в способных людях, он настаивал на необходимости изучения истории разных народов и языков в раннем возрасте: «...предлагается, чтобы все чтение в школе на первой стадии, когда люди получают основы образования, было в основном историческим. Давая знания о прошлом, история позволяет людям судить о будущем; она дает им возможность пользоваться опытом других времен и народов...она учит распознавать честолюбие, под какой бы маской оно не скрывалось и срывать его замыслы... Именно сам народ является единственным надежным хранителем своего правительства» [1, с. 219-220].

Закончив работу над «Записками» Джефферсон сообщил Марбуа, что его труд готов и отправил ему один экземпляр рукописи, и несколько других – своим близким друзьям и просил их поделиться впечатлениями. В течение последующих двух лет он продолжал заниматься исследованиями и вносил изменения в свою работу, и объем «Записок» значительно увеличился. Интересна первоначальная судьба этого произведения. В Америке не удалось напечатать работу, так как книгоиздатели запрашивали высокую цену. После этого «Записки» были опубликованы во Франции, где цены были намного ниже, но без имени автора. Джефферсон был назначен уполномоченным в Париж для ведения торговых переговоров и там передал рукопись французскому издателю. Он имел много опасений по поводу своего творения, и разослал несколько экземпляров лишь определенным людям и просил никому больше их не показывать.

Идеи Джефферсона о критике рабства, религиозной нетерпимости, конституции, незавершенном характере революционных преобразований могли быть подвергнуты резкой критике со стороны политических противников. Но все же эта книга, впервые изданная малым тиражом в 1785 году, стала весьма известной и вызвала, как и предсказывал автор, противоречивые оценки. Впрочем, об имени автора многие догадывались, к тому же на обложке были его инициалы, и, конечно же, этот труд недолго пребывал в режиме

секретности. Затем ее перевели на французский язык и издали в 1787 году. Но Джефферсону очень не понравился перевод. Далее книга была издана в Англии в 1787 году тиражом уже в 1000 экземпляров, часть тиража была отправлена в США. Некоторые американские газеты печатали «Заметки» по частям, а в 1788 году в Филадельфии вышло первое американское издание. В 1789 году в Лейпциге появился немецкий перевод. Джефферсон продолжал трудиться над «Заметками» до конца своих дней, работа над ними стала у него одним из любимых занятий. И лишь в 1853 году его внук Томас Джефферсон опубликовал в Ричмонде полный текст со всеми дополнениями и комментариями [2, с. 11-13].

В «Заметках о штате Виргиния» Джефферсон проявил себя как разносторонняя личность, вобравшая в себя многие идеалы эпохи Просвещения. Он выступает как историк, географ, естествоиспытатель и политический мыслитель. Его труд является продолжением традиций XVIII века Роберта Беверли, Хью Джонса и других авторов в осмыслении виргинцами разных сторон жизни своей молодой страны, но его книга, безусловно, является более совершенным и информативным описанием. Труд Джефферсона, созданный в период ранней республики, завершает долгую традицию осмысления колонистами своего места в мире, а началом этой традиции можно считать появление рекламной литературы кузенов Хекклитов еще елизаветинской эпохи. Современный историк Ричард Б. Дэвис назвал произведение Джефферсона «одной из самых замечательных книг во всех отношениях, написанных в Америке» [8, р. 397].

Историк Тимоти Брин как-то заметил некое единообразие идей в заметках самых разных людей, посвященных современному им состоянию общественных институтов в этой провинции. То были непосредственные участники событий, творцы виргинской истории, либо это могли быть деятели из коммерческих и политических кругов Лондона. Несмотря на перемены, происходящие на протяжении двух столетий, авторы памфлетов и записок задавались одним и тем же вопросом: «Почему виргинцы, обладая таким

природным изобилием, не могли создать более совершенное общество, чем то, которое они имели, не реализовали данный им потенциал»? [6, p. 164] (Беверли, например, восторгаясь красотами и естественным богатством своего края, обвинял виргинцев в лени). Конечно, такой вопрос возникает и у современных историков при сравнительном изучении Новой Англии и Виргинии. Видимо, начиная с конца XVI столетия, когда англичанами только делались первые попытки освоения американского континента, Виргиния в создании памфлетистов и предпринимателей воспринималась как аркадия, девственная земля, заселенная жителями, неиспорченными пороками современной цивилизации. Такой ее и продолжали видеть и последующие поколения. Реальность оказывалась всегда более суровой и жестокой. Но стремление к ускользающему пасторальному идеалу было присуще просвещенным колонистам, они всегда строили планы реформ, пытались безуспешно развивать города и следовать английским архитектурным веяниям, равно как и интеллектуальным течениям века Просвещения.

С другой стороны, некоторая идеализация прошлого характерна и для современной Виргинии. Этот штат обладает особым типом культуры, для которого характерно обращение к самому раннему его прошлому как к источнику вдохновения, и колониальный период является живым источником энергии для современных историков, реконструкторов, археологов и художников.

Исторические объекты колониальной Виргинии в наши дни являются местом действия для своеобразного ренессанса, это попытка вернуться в «золотой век» виргинской аристократии колониальной эпохи. Здесь скрываются стремления обнаружить в современной Виргинии ту же исчезающую «аркадию», что представлялась видению Джона Смита и Роберта Беверли. Для многих других американцев образ «Старой Виргинии» может, скорее, ассоциироваться с негативными особенностями – работоторговлей, эксплуатацией и несправедливостью. Образы Виргинии наполнены противоречиями, которыми так изобилует американская история.

Список литературы:

1. Джефферсон Т. Автобиография. Заметки о штате Виргиния. Ленинград, 1990.
2. Фурсенко А.А. Томас Джефферсон – великий мыслитель и революционный демократ // Джефферсон Т. Автобиография. Заметки о штате Виргиния. Ленинград, 1990.
3. Armstrong C. *Landscape and Identity in North America's Southern Colonies from 1660 to 1745*. Farham, England, 2013.
4. Beverley R. *History and the Present State of Virginia*. Richmond, 1885.
5. Breen T. *Changing the Labor Force and Race Relations in Virginia, 1660-1710 // Puritans and Adventurers. Change and Persistence in Colonial America*. NY, 1980.
6. Breen T. *Of Time and Nature: A Study of Persistent Values in Colonial Virginia // Puritans and Adventurers. Change and Persistence in Colonial America*. NY, 1980.
7. Davis R.B. *Intellectual Life in the Colonial South. 1585-1763*. Knoxville, 1979.
8. Davis R.B. *Notes on the State of Virginia // Journal of Southern History*. No. 21 (1955).
9. Gordon A. *The Stith Family // The William and Mary Quarterly*. 1913. Vol. 22. No. 1.
10. Fiske J. *Old Virginia and Her Neighbors*. Boston and NY, 1879. Vol. 2.
11. Fontaine J. *A Tale of Huguenots or Memoirs of a French Refugee Family / Translated and Compiled from the Original Documents of James Fontaine by One of His Descendants*. NY, 1838.
12. Hartwell W., Blair J., Chilton E. *The Present State of Virginia and the College*. Charlottesville 1940.
13. Hayes K.J. *Notes on the State of Virginia // A History of Virginia Literature / Ed. by K.J. Hayes*. Oxford, NY, 2015.
14. Isaac R. *Transformation of Virginia, 1740-1790*. Chapel Hill, 1982.

15. Jones H. *The Present State of Virginia*. NY, 1865.

16. Kukla J. *Colonial Historians // A History of Virginia Literature* / Ed. by K.J. Hayes. Oxford, NY, 2015.

17. Landrum G.W. Which Hugh Jones? // *The William and Mary Quarterly*. 1943. October.

18. *Petition of the French Refugees to the Governor of Virginia & Report of the Virginia Governor to the French Refugees, 1700* [Электронный ресурс] // National Humanities Center [сайт]. 2018. URL: <https://goo.gl/XEkoV4> (дата обращения: 03.08.2017)

19. Rasmussen W.M.S., Tilton R.S. *Old Virginia. The Pursuit of the Pastoral Ideal*. Charlottesville, 2003.

20. Shamas C. *English Born and Creole Elite at the Turn of the Century Virginia // The Chesapeake in the Seventeenth Century: Essays on Anglo-American Society* / Ed. by D. Ammerman, T.W. Tate / Chapel Hill, 1979.

21. Stith W. *The History of the First Discovery and Settlement of Virginia*. Richmond, 1875.

Сведения об авторе:

Востриков Павел Вячеславович – соискатель кафедры всеобщей истории Курского государственного университета (Курск, Россия).

Data about the author:

Vostrikov Pavel Vyacheslavovich – graduate student of the General History Department, Kursk State University (Kursk, Russia).

E-mail: Sortavala2015@inbox.ru.